

ПРОБЛЕМЫ ЦЕЛОСТНОГО МИРА

Н.В. Киреева

DOI: 10.7256/1999-2793.2014.5.10931

СОЦИАЛЬНОЕ ИНТЕГРИРОВАНИЕ И ИНТЕГРИРОВАННЫЙ СОЦИУМ: ИНТЕГРАЦИЯ КАК ПРОЦЕСС И СТРУКТУРА

Аннотация. Исследование интеграции социума как структуры и всемирно-исторического процесса ее становления начинается с выявления элементарной структурной единицы социального бытия. Минимальными единицами системы, способными к относительно самостоятельному осуществлению определенной функции, автор считает индивидов, а частями (компонентами, подсистемами) — социальные группы разной степени общности, которые являются последовательно восходящими «горизонтальными» уровнями многопорядковой организации социума. Уровни социальной организации «вертикально» пронизываются всеобъемлющими сферами общественной жизни — экономикой, политикой, культурой и другими. Взаимное наложение результатов «горизонтального» и «вертикального» способов декомпозиции социальной системы дает представление о ее структуре.

Методологическую базу исследования составляет системный подход, который не противоречит материалистической диалектике, а, скорее, дополняет и конкретизирует ее. Структурная характеристика социальной системы предстает в то же время и динамической, а социальная эволюция — непрерывным структурированием общественных систем от уровня элементарных взаимодействий до становления глобальной социальной целостности, движением от несвязной и неопределенной однородности к определенной и связанной разнородности элементов. Критерием прогресса социальной системы предстает богатство и пластичность ее внутренних и внешних структурных связей, формирующихся в двуедином интеграционно-дифференциальном процессе. Универсальным механизмом структурного развития социосистемы является организационный отбор, с позиций которого могут рассматриваться как качественные (социальные ароморфозы), так и количественные (неэволюционные) изменения. Преобразовательные процессы имеют место на всех стадиях развития системы — этапах возникновения, становления, зрелости и преобразования. В условиях непрерывных изменений поддержание устойчивости социума происходит прогностически (а не реактивно) благодаря его способности к управлению, основным субъектом которого выступает государство, и самоуправлению, протекающему преимущественно в обществе. Смена органа управления, в котором представлена вся совокупность связей и отношений социосистемы, означает, что вся ее структура подверглась существенной трансформации, и состоялся переход общества на новый структурный уровень. Ослабление или уничтожение управляющего воздействия на социум как и его чрезмерная насыщенность связями управления одинаково пагубны. Это диктует необходимость поиска оптимального соотношения управления и самоорганизации, которое в значительной степени определяется структурным типом интеграции — жесткой централизацией или динамической структурой, основанной на действии обратных связей между управляющим и управляемыми компонентами.

Ключевые слова: социальная интеграция, социальная структура, организация социума, социальная система, социальная эволюция, глобальная социальная целостность, социальные ароморфозы, неэволюционные изменения, структурные уровни, социальные связи.

Наличие двух возможных способов описания интеграции (как процесса и как структуры) обуславливает разделение логики ее исследования на динамическую

и структурную, однако такое разделение является до некоторой степени условным. На практике обычно оба подхода переплетаются, поскольку всемирно-историческая эволюция социума представ-

ляет собой непрерывный и устойчивый процесс его морфо-функциональной организации, то есть становления структуры, которая, как писал Шеллинг, есть изменчивость, заключенная в границы и представленная в неподвижном виде.

Условием познания закономерностей развернувшегося в исторической ретроспективе процесса становления целостности (структурирования) социального бытия выступает объяснение любого происходящего в нем структурного (интеграционного или дезинтеграционного) изменения на элементарном уровне. Поэтому вопрос о том, что следует считать элементарной структурной единицей, по сути, является методологическим, ведь он требует анализа оснований, на которых строятся знания об объекте. Его решение напрямую зависит от выбора способа декомпозиции исходного сложного объекта.

В процессе теоретического воспроизведения сложного объекта декомпозиция исследуемой системы может производиться различными способами, и в результате каждого из возможных способов расчленения могут быть выделены различные элементы системы. Поэтому очевидно, что понятие элемента далеко не тождественно понятию атома: элемент является таковым лишь по отношению к данной системе, представляя собой минимальный (далее не делимый) компонент системы или же максимальный предел ее расчленения при данном способе декомпозиции в соответствии с поставленной исследовательской задачей.

Если эта декомпозиция идет по пути выделения в субстрате объекта таких составляющих, которые сами выступают как целостности, то мы получаем представление о его морфологии (строении). Процесс расчленения в этом случае не имеет внутреннего предела, ведь каждая из частей в принципе может быть снова расчленена на части. Временно ограничить такое деление могут лишь современные научные представления о том, какие мельчайшие части могут рассматриваться в качестве целостностей.

Представление о структуре (организации) социума как объекта изучения может дать альтернативный подход — функциональный. Различные характеристики исследуемого социального объекта синтезируются в целостную картину при помощи системы функций по удовлетворению потребностей, которые являются необходимым и достаточным условием его существования. При этом функция понимается не в математическом, а в более

широком и менее строгом смысле, как взаимосвязь, определяющая порядок включения части в целое, как такое отношение части к целому, при котором само существование или какой-либо вид проявления части обеспечивает существование или какую-либо определенную форму проявления целого. Тогда выделяемые структурные единицы задаются и определяются не «сами по себе», а через их функциональное отношение друг к другу и ко всей системе в целом. Это обстоятельство, тем не менее, не препятствует рассмотрению выделенных структурных единиц в качестве целостностей, то есть выяснению присущих им существенных черт.

В рамках функционального способа членения собственное строение элемента оказывается несущественным для характеристики всей системы, а его составляющие уже не рассматриваются как компоненты данной целостности. Так, для исследования социальной интеграции не имеет значения структура человеческой психики или анатомическое строение тела человека. Однако элемент не может быть описан вне его функциональных характеристик. Другими словами, с точки зрения системы важно в первую очередь не то, каков субстрат элемента, а то, что делает, чему служит элемент в рамках целого. Поэтому элемент определяется как минимальная единица, способная к относительно самостоятельному осуществлению определенной функции.

В силу сложности, подвижности и многомерности социума способ выделения его элементов и подсистем, как уже было сказано, всякий раз задается той или иной исследовательской задачей, значит, число этих способов не имеет ограничений, как не имеет ограничений само познание. Тем не менее, по отношению к социальной действительности чаще других принято применять два способа декомпозиции. Первый из них базируется на представлении о многоуровневом (многоплоскостном) горизонтальном членении общества и предполагает выделение в качестве уровней социальной системы индивидов и образованные ими группы низшей и высшей степени общности, включая государства, межгосударственные интеграционные объединения и международное сообщество в целом. При этом каждая такая группа может рассматриваться как определенным образом заданная система функций индивидов, входящих в ее состав. Таким образом, элементами интеграционного целого будем считать индивидов, а частями (компонентами, подсистемами) — образованные в

результате их взаимодействия социальные группы разной степени общности.

При этом, хотя индивиды и выступают исходными элементами, «субстратом» социальных систем, последние не могут рассматриваться как составленные из них непосредственно. Поскольку специфика элементов раскрывается только в соотношении со структурой и в их функционировании в определенной системе связей, постольку каждый элемент сам по себе лишь относительно автономен, и в случае изъятия его из этой системы он лишается своей качественной определенности. В социуме части настолько сильно зависимы от целого, что их собственная целостность проявляется только в подчинении целому более высокого порядка, но не самостоятельно. Поэтому фактической, предельной единицей социального анализа, которая сохраняет основные черты системности, но не может быть разложена на подсистемы, а только на элементы, оказывается именно группа. Ей соответствует начальный этап и первый уровень во всемирно-историческом процессе структурирования общества.

Далее последовательно восходящие уровни многопорядковой организации социума выделяются на основе структурного принципа включения, означающего, что функция или совокупность функций для системы задается через ее включение в более широкое целое. Благодаря действию этого принципа одни и те же элементы входят сразу во множество структур, находящихся в отношении субординации. Связи между одноуровневыми, однопорядковыми компонентами системы образуют ее «горизонтальную» структуру, а иерархия организационных уровней отражает управляющее и формирующее воздействие вышестоящих уровней на нижестоящие. При этом структура высшего порядка каждый раз выступает как качественно новый тип организации нижестоящих структур, которые присутствуют в ней в «снятом» виде и играют подчиненную роль. Развитие, таким образом, идет по пути усложнения структуры каждого вышестоящего уровня при относительной неизменности составляющих его компонентов, проявляющейся в устойчивом сохранении упорядоченности при постоянном воссоздании и замене элементов (смена поколений) и лабильности их функций, что позволяет рассматривать ее как устойчиво-динамическую.

Второй способ декомпозиции социума предполагает выделение различных сфер обществен-

ной жизни — экономики, политики, культуры и других, которые выступают как всеобъемлющие, относящиеся к каждому «горизонтальному» уровню социальной организации. Такое членение условно можно назвать «вертикальным», поскольку оно пронизывает всю социальную систему снизу доверху. В результате возникает несколько «срезов», каждый из которых представляет определенный аспект системы. Их совмещение, взаимное наложение результатов обоих способов декомпозиции позволяет учитывать в вертикальных членениях горизонтальные срезы и наоборот. Но этого не достаточно, чтобы получить наиболее полное представление об исследуемом фрагменте реальности.

Структура социальной системы выявляется лишь в процессе ее эволюции, следовательно, структурная характеристика предстает в то же время и динамической, а если при этом вскрывается происхождение системы, то и генетической. Со времени утверждения христианской традиции характерное для нее представление о линейности времени сменило античную идею цикличности и предопределило взгляд на общественный прогресс как поступательное и необратимое развитие¹. Однако «в реальности речь может идти не о линии и даже не о плоскости или трехмерном пространстве, но лишь о многомерном пространстве-поле социальной эволюции»². Представляется возможным выделить как минимум три таких «измерения» всемирно- исторической эволюции общества.

Во-первых, в соответствии с поставленной исследовательской задачей предметом изучения может стать эволюция одного или нескольких выделенных путем взаимного наложения описанных выше способов декомпозиции структурных элементов социальной системы. В этом случае они предстают в виде однолинейной или многолинейной модели неких относительно изолированных «сегментов» социальной эволюции, где каждое последующее стадийное состояние закономерно вытекает из предыдущего. Если при этом «эволюционно ранние процессы рассматриваются с учетом эволюционно поздних, прошлое через призму будущего», то исследование оказывается прони-

¹ Giddens A. Central Problem in Social Theory. L., 1971. P. 40.

² Коротаев А.В., Крадин Н.Н., Лынша В.А. Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания) // Крадин Н.Н., Коротаев А.В., Бондаренко Д.М., Лынша В.А. (ред.) Альтернативные пути цивилизации. М.: Логос, 2000. С. 31.

занным парадигмой элевации, что характерно для синергетического подхода³.

Во-вторых, в связи со сложностью, открытостью и динамичностью общественной системы ни один из протекающих в ней процессов не может иметь заранее заданного и предсказуемого характера. Нелинейность эволюции общества проявляется в наличии альтернатив на каждом этапе, на каждой стадии и в каждом «сегменте» развития. Формирование каждого нового уровня системы сопровождается ее прохождением через состояния неустойчивости или точки бифуркации, вблизи которых даже случайные воздействия могут привести либо к гибели системы, либо к появлению новой упорядоченной структуры⁴. Поэтому выделяемая исследователем «генеральная» линия развития оказывается не единственно возможной; наряду с ней существуют и выступающие ее ответвлениями побочные, альтернативные эволюционные линии, в том числе тупиковые.

Наконец, третье «измерение» глобальной социальной эволюции связано с взаимодействиями локальных культур и цивилизаций. «Эта принципиально новая плоскость рассмотрения глобализма как универсализма предполагает как выявление универсалий каждой из цивилизаций, так и осмысление ведущего вектора их взаимодействия и разнонаправленных движений, одно из которых понимается в качестве глобального»⁵. «Изучение локальных явлений с глобальной точки зрения»⁶ дает возможность выбора из этих взаимодействий ведущего (универсального) вектора или пути развития.

Таким образом, аналитическое рассмотрение системы необходимо дополняется синтетическим. При таком подходе глобальная история предстает тесным переплетением, взаимодействием различных, разошедшихся, дифференцированных линий, нитей развития человеческого рода, — подобно

тому, как ткань является переплетением отдельных нитей, но представляет собой нечто принципиально новое по сравнению с их механической совокупностью⁷. Синтез различных ракурсов исследуемого объекта дает всестороннее знание о его разнообразном содержании. Важно отметить, что речь идет именно о синтезе, а не о суммировании разрозненных результатов, которое не только не даст единой, цельной картины объекта, но способно привести к путанице и противоречиям.

Основываясь на принципах признания единства человечества, наличия общих закономерностей и однонаправленного вектора всемирной истории, максимально широкого временного и смыслового контекста исторического процесса, учитывая разнообразие его составляющих и взаимосвязанность всех локальных акторов, мы можем представить «генеральную» линию социальной эволюции как непрерывное структурирование общественных систем от уровня элементарных взаимодействий до становления глобальной социальной целостности. При подобном подходе сущность социальной эволюции (как и эволюции в более широком ее понимании) проявляется, по точному определению Г. Спенсера, как движение от несвязной и неопределенной однородности к определенной и связанной разнородности элементов⁸. Тогда история социальных общностей и институтов может рассматриваться как «процесс структурной реорганизации во времени, в результате которой возникает форма или структура, качественно отличающаяся от предшествующей формы»⁹.

На каждом конкретном этапе социальной эволюции общественные системы характеризуются соответствующими степенью и высотой организованности, что и определяет их место в общественно-исторической структурной иерархии. Степень организованности определяется количественными изменениями в пределах одного и того же уровня и выражается в упорядоченности элементов и в

³ Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории. М.: Мир, 2004. С. 4.

⁴ Ковтунова Д.В., Попов В.В. Философия истории в синергетическом измерении // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. 3. С. 102.

⁵ Неретина С., Огурцов А. Пути к универсалиям. СПб.: РХГА, 2006. С. 968.

⁶ Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XIX вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. С. 202.

⁷ Пантин В.И. Циклы и волны глобальной истории: глобализация в историческом измерении. М.: Новый век, 2003. С. 17.

⁸ Спенсер Г. Основные начала // Антология мировой философии: В 4-х т. Т. 3. М.: Мысль, 1971. С. 612.

⁹ Service E.R. Primitive Social Organization. An Evolutionary Theory. N.Y., 1971. P. 862; Классен Х.Дж.М. Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000. С. 7; Кортаев А.В. Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции. М., 2003. С. 5.

устойчивости связей между ними. В свою очередь переход на новый уровень иерархии связан с высокой организованности и определяется качественными изменениями внутренних и внешних связей, отражающими усложнение/упрощение структуры системы. Поэтому высота организованности имеет «векторальный» характер и отражает направленность изменения системы.

Богатство системных связей определяет единство и взаимное соответствие степени структурной неоднородности (дифференцированности) и целостности, гармонизации частей системы (интегрированности) и может служить мерилем прогресса. И наоборот, количественный и качественный дефицит связей при возрастании структурной неоднородности системы ведет к усилению дисгармонии ее частей и свидетельствует о регрессивном развитии.

На ранних этапах развития социума различные образующие его общности могут находиться на разных ступенях эволюции. Неравномерность развития социальных subsystemов определяется, во-первых, степенью их автономности и, во-вторых, глубиной и скоростью протекающих в них преобразовательных процессов. Однако по мере становления социальной целостности эти несоответствия постепенно сглаживаются: чем более интегрирован социальный организм, чем более взаимозависимы его отдельные части, тем менее выражена разноступенчатость в их развитии.

Кроме того, с усложнением структуры системы ее внутренние и внешние связи становятся более пластичными, так как, с одной стороны, возрастает богатство возможных комбинаций компонентов внутри системы, а с другой — благодаря новому качеству организованности общество или институт, находящиеся на более высокой ступени эволюции, обладают по сравнению с предшествующими формами более разнообразными возможностями и большими преимуществами во взаимодействии с окружающей — природной и социальной — средой. Исходя из сказанного, объективным критерием прогресса, его выражением можно считать богатство и пластичность внутренних и внешних структурных связей социальной системы.

Согласно принципу актуализации функций, объект выступает как организованный лишь в том случае, если свойства его компонентов становятся функциональными, то есть служат его сохранению и развитию. Чем больше свойств системы проявляются как ее функции, тем выше ее организованность.

Принцип актуализации функций, который может служить критерием качественных системных преобразований, находит свое выражение в динамическом единстве дифференциации (функциональной специализации) и интеграции компонентов. Чем выше уровень организации системы, тем больше отличается она от суммы своих частей, тем более эти части дифференцированы, тем разнообразнее отношения доминанции и соподчинения между ними и тем выше степень иерархической сложности системы¹⁰.

Переход социосистемы на новый уровень организации сопровождается переформатированием и инкорпорацией в качестве элементов во вновь образованную целостность структур, а вместе с ними и свойств нижестоящих уровней¹¹. Первоначальная разность взаимодействующих элементов, несходство воздействий их друг на друга, а также различия во влиянии на них со стороны среды вызывают в них изменения, делающие их еще более несходными. Необратимое расхождение исходных форм возрастает в геометрической прогрессии: «всякая дифференцированная часть служит не только центром новых дифференцирований, но и источником их, ибо, делаясь все более и более отличной от других частей, она становится центром различных реакций на посторонние силы и, увеличивая, таким образом, разнообразие действующих сил, увеличивает разнообразие порождаемых ими следствий»¹². Система оказывается способной через дифференциацию компонентов умножать количество своих свойств-функций. Разнообразие ее содержания возрастает, но если дифференцированные элементы и подсистемы будут оставаться дезорганизованными, это рано или поздно приведет к гибели системы. Поэтому процесс дифференциации уравнивается и компенсируется противоположным процессом — интеграцией, то есть сохранением и возрастанием функциональной целостности системы за счет соподчинения ее частей и упрочения связей, направленных на ослабление внутрисистемных противоречий.

¹⁰ Интересно, что именно на эти критерии меры интеграции впервые указал великий немецкий поэт и натуралист, основоположник типологической морфологии в биологии И.В. Гете.

¹¹ Пелипенко А.А. К проблеме межсистемных переходов в культуре // Цивилизации. Вып. 8. Социокультурные процессы в переходные и кризисные эпохи. М., 2008. С. 73–74.

¹² Спенсер Г. Основные начала // Антология мировой философии: В 4-х т. Т. 3. М.: Мысль, 1971. С. 620.

Интеграция представляет собой один из видов взаимодействия элементов или образованных ими подсистем в составе систем более высокого организационного порядка. Она отлична от коллизии, возникающей в случае если различия между взаимодействующими системами слишком глубоки, если взаимодействие между ними носит антагонистический характер и приводит к структурной дезорганизации, то есть к частичному или полному разрушению одной или обеих сталкивающихся систем. Она отличается также от простого слияния, возможного в случае если взаимодействующие системы идентичны друг другу (т.е. одинаково реагируют на те или иные воздействия среды), и ведущего лишь к количественным изменениям. Интеграция всегда сопровождается взаимным преобразованием взаимодействующих систем, которое может быть столь глубоким, что приводит к появлению качественно новых свойств системы как целого, не сводимых к сумме свойств образующих его частей.

Структурная интеграция снимает внутрисистемные противоречия, неизбежно возникающие по мере увеличения разнообразия дифференцирующихся элементов. Освобождение от этих противоречий происходит в процессе самопреобразования — в контрдифференциации — за счет установления между дифференцированными частями взаимно-дополнительных связей или комплементарных корреляций, которые являются наиболее устойчивыми соотношениями расходящихся частей и увеличивают их взаимное структурное и функциональное соответствие. В социуме ярким примером установления взаимно-дополнительных связей между дифференцированными элементами, то есть их интеграции является производственная кооперация, основанная на общественном разделении труда.

Разрешая системные противоречия, интеграция служит источником новых преобразований, так как создает условия для новой дифференциации на более высоком организационном уровне. Таким образом, двуединый дифференциационно-интеграционный процесс ведет социальную систему по пути прогрессивного развития. В результате возрастает сложность вновь образованных подструктур, а их полифункциональность облегчает согласованность всех подсистем в составе системы. Благодаря интеграции функции дифференцированных компонентов не противоречат друг другу, а подчиняются выполнению основной

функции целого, состоящей в его самосохранении. Одновременно усложнение интегрированных подсистем и согласование их функций позволяют приобрести функциональный характер тем свойствам компонентов системы, которые ранее в силу несогласованности своих проявлений не могли быть функциями относительно целого (были функционально нейтральны или даже дисфункциональны). Интеграция направляет их на поддержание основной функции целого и тем самым повышает их ценность.

Универсальным, проходящим по всем ступеням социального бытия механизмом структурного развития является организационный отбор (дифференциальное уничтожение/сохранение). Сохранение или умножение одних элементов, упрочение и усиление одних связей увеличивает их разнообразие, а устранение, уменьшение, ослабление, разрыв других — упорядочивает их. Эти противоположные, по сути, процессы идут параллельно и уравнивают друг друга непосредственно и одновременно, обеспечивая динамическую устойчивость системы.

Механизм отбора усиливает и закрепляет устойчивые, повторяющиеся соотношения. Благодаря его действию сохраняются только такие различия между элементами системы, которые повышают ее связность и устойчивость под внешними воздействиями, ее организованность. Одновременно ослабляются и разрушаются неустойчивые, случайные, дезорганизующие связи и соотношения; нейтрализуются или уничтожаются (отрываются, выделяются) элементы и подсистемы, состоящие в противоречии со связью целого, нарушающие целостность системы. В результате целое «консолидируется».

С точки зрения организационного отбора может рассматриваться всякое событие, всякое изменение в общественном развитии. Для обозначения качественных изменений, задающих высоту организованности социосистем, применимо введенное в научный оборот Л.Е. Грининым и А.В. Коротаяевым понятие социального ароморфоза¹³. Под социальным ароморфозом указанные авторы понимают универсальное/широко распространенное изменение/приспособление в развитии социальных систем, которое повышает сложность, приспо-

¹³ Гринин Л.Е., Коротаяев А.В. Социальная макроэволюция и исторический процесс (к постановке проблемы) // Философия и общество. 2007. № 2. С. 22–23.

собленность, интегрированность и взаимное влияние обществ. К числу социальных ароморфозов они относят переход к производящему хозяйству, появление государства, возникновение письменности, освоение металлургии железа, зарождение мировых религий, становление национальных рынков и т.п. По их мнению, в результате социальных ароморфозов:

- повышается уровень сложности обществ, увеличивается их способность изменять в соответствии со своими потребностями природную и социальную среду, возрастает степень их устойчивости к влияниям среды;
- растет степень интегрированности обществ, образования объединяющих их надсистем;
- увеличивается скорость количественных изменений, влияющих на степень организованности социосистем;
- за счет возрастания от ароморфоза к ароморфозу вероятности возникновения новых «восходящих» качественных изменений ускоряются темпы социальной эволюции.

Очевидно, что изменение может стать значимым для макроэволюции общества лишь в том случае, если его бóльшая по сравнению с другими подобными изменениями способность стимулировать повышение организованности социальных систем будет подтверждена его универсальностью или, по крайней мере, достаточной широтой распространения. Сам факт «революционного» прорыва не гарантирует его эволюционную востребованность здесь и сейчас, эффект может проявиться много позже или не проявиться вообще. Классическим примером здесь служит изобретение в эпоху античности первых автоматов и прототипа парового двигателя, что, однако, не вызвало технологического переворота. Появление нового не привело к полной реорганизации или, как минимум, существенной трансформации системы, в которой оно возникло, поскольку отсутствовали необходимые и достаточные условия для реализации его эволюционного потенциала¹⁴.

Специфическая среда, в которой оказывается возможным рождение и укрепление сложности нового, более высокого уровня, формируется изменениями иного рода. Процессы, которые не ведут непосредственно к усложнению структурных

форм, но, тем не менее, оказывают существенное влияние на уровень сложности социальных систем, так как производят трансформации, которые со временем дадут другие, эволюционно значимые результаты, принято называть неэволюционными. К числу понижающих уровень сложности и самоорганизации, а также качественных одноуровневых изменений принадлежат циклические тенденции, упадки, стагнации и даже распады обществ¹⁵. Они усиливают дифференциацию, способствуя распространению инноваций, удерживают систему на достигнутом ею уровне, блокируя дестабилизирующие факторы, расширяют ее границы, создают в ней колебания и т.д.¹⁶. Их действие превращает социальную эволюцию в «объемный», многогранный и многоуровневый, внутренне гетерогенный процесс, который формируется за счет внешне хаотичных комбинаций большого числа разнонаправленных или даже взаимоисключающих тенденций и является их результирующей¹⁷. Налицо несовпадение действия и его результата.

Одной из основных неэволюционных сил социокультурного развития в современной исторической науке принято считать диффузию — способность некоторых инноваций преодолевать в процессе взаимодействия социальных систем границы региона своего происхождения, конкурировать с местными традициями и становиться достоянием других обществ, а также последствия принятия или отторжения этих новшеств¹⁸. Многие «эволюционные достижения» (Н. Луман), «эволюционные универсалии» (Т. Парсонс) или «адаптивные достижения» (М. Салинс и Э. Сервис) «зачастую получают свою окончательную форму и выдающееся значение лишь благодаря диффузии. В ходе последней они обрабатываются, оттачива-

¹⁴ Хачатурян М.В. Неэволюционные изменения в пограничной ситуации перехода // Вопросы социальной теории. 2012. Том VI. С. 242.

¹⁵ Классен Х.И. Эволюционизм в развитии // Эволюция: дискуссионные аспекты глобальных эволюционных процессов. М., 2011. С. 343.

¹⁶ Хачатурян М.В. Неэволюционные изменения в пограничной ситуации перехода // Вопросы социальной теории. 2012. Том VI. С. 241.

¹⁷ Механизм, который преобразует случайные изменения в однонаправленное развитие, был описан Дж. Дарвином (сыном Ч. Дарвина) в его теории приливной эволюции.

¹⁸ McNeill W. The Changing Shape of World History // History and Theory. 1995. Vol. 94. P. 8–26; Bentley J. Cross-Cultural Interaction and Periodization in World History // American Historical Review. 1996. Vol. 101. June. P. 749–770; Manning P. The Problem of Interaction in World History // American Historical Review. 1996. Vol. 101. June. P. 771–782.

ются и генерализуются»¹⁹. Диффузия втягивает взаимодействующие общества в переходные процессы, ускоряет их внутреннюю динамику, актуализирует скрытые в них предпосылки общезначимых эволюционных трансформаций, формируя, таким образом, специфическую транзитивную зону²⁰, в которой аккумулируются и кристаллизуются новые структуры и связи. Яркий пример подобных процессов дает Римская цивилизация: ее право и язык, а также религия новой Константиновой теократии глубоко укореняются на всем пространстве *Rex Romana* и даже оказывают воздействие за ее пределами. В то же время военная структура германизируется, сфера учености и свободных искусств эллинизируется, происходит варваризация торгово-финансовой сферы²¹.

Экстенсивное распространение и копирование инноваций сопровождается неизбежными вариациями. В рассматриваемом примере всеобщее распространение римского гражданства ведет к растущему региональному разнообразию гражданских сообществ (*civitates*), обретающих свое галльское, британское, испанское или иное лицо. Ту же тенденцию иллюстрирует и становление мировых религий: «если христианство, буддизм, ислам существовали поначалу в ортодоксальной форме, то после периода усвоения они приобретали своеобразные черты, которые не отменяли источника, но подчас его трансформировали. Хотя важная роль в переформулировании основ вероучений принадлежит интеллектуалам, однако их трактовка в значительной степени отражает особенности культурного мировосприятия, возникающего под воздействием многообразных особенностей бытования человеческих сообществ»²².

Эволюционный потенциал «промежуточных», гибридных синкретических форм также весьма высок, ведь чем богаче внутреннее разнообразие социосистемы, тем больше возможностей для возникновения ароморфозов. Хотя сами по себе вариации не гарантируют революционного прорыва,

они могут содержать в себе инновационные элементы, зачатки нового качества. В ситуации, когда такие «незначительные случайности находят друг в друге опору»²³, их интеграция может привести к возникновению нового, неаддитивного и нередуцируемого явления. Вместе с тем благодаря подобному полиморфизму заполняется опасная лакуна между принятием и отторжением инноваций, позволяющая традиционным обществам, с одной стороны, обеспечить сохранность и воспроизводство собственной качественной определенности, а с другой — идти по пути развития и обновления, инкорпорировать «иное» с минимальным для себя ущербом, одновременно приспосабливаясь к меняющимся условиям.

«Охранительные», стабилизирующие тенденции, как это ни парадоксально, также обладают некоторым эволюционным потенциалом: относительная стабильность старой системы выступает одним из условий успешного завершения транзитивной ситуации, поскольку, продолжая функционировать, пусть и в деформированном, ослабленном виде, старая структура противодействует возможному регрессу, отступлению от уже достигнутого уровня сложности.

Наконец, следует отметить значение для социальной эволюции регрессов, то есть изменений, ведущих к понижению уровня организованности социосистем — дезурбанизации, ослабления государственной власти, децентрализации, разрушения культурных норм и ценностей и т.п. Частичное разрушение социальной системы отторгает от нее прежде всего наименее прочно связанные с ней элементы, разрывает наиболее противоречивые и наименее устойчивые связи, нарушающие внутреннюю организованность целого. С разрывом подобных связей происходит и упрощение системы, и возрастание ее стройности одновременно. «Расшатывая» старые структуры и «расчищая место» для нового, регрессы создают благоприятные условия для реализации эволюционного потенциала других неэволюционных изменений. Например, они содействуют диффузии новшеств или способствуют трансформации содержащих инновационный элемент вариаций из периферийных в основные. Частичные регрессы обеспечивают экономии ресурсов в обществах, вынужденных отступить на более устойчивые позиции, чтобы не погибнуть вовсе и сохранить хотя бы потенциальную

¹⁹ Луман Н. Эволюция. М., 2005. С. 120–121.

²⁰ Сайко Э.В. Древний город. Природа и генезис (Ближний Восток. IV-II тыс. до н.э.). М., 1996. С. 102–123.

²¹ См.: Любимов Ю.В. Глобализационные процессы в прошлом // Историческая социология и психология истории. 2008. № 2. С. 123.

²² См.: Любимов Ю.В. Глобализационные процессы в прошлом // Историческая социология и психология истории. 2008. № 2. С. 123.

²³ Луман Н. Эволюция. М., 2005. С. 61.

возможность возрождения²⁴. Кроме того, регрессы могут провоцировать неожиданные и масштабные социальные «мутации», поскольку для ароморфо-за «всякое сверхразвитие является, как правило, практически непреодолимым препятствием. При прочих равных условиях эволюционировать гораздо легче более гибким и менее специализированным формам»²⁵.

Итак, всякое преобразование, ведущее к изменению наиболее существенных внутренних и/или внешних связей социальной системы, является структурным и знаменует переход к новой стадии в процессе ее развития. Количество таких стадий выделяется в зависимости от той или иной исследовательской задачи, а внутри каждой из них возможно установление множества стадий меньшего порядка. В самом общем плане в процессе эволюции социальной системы условно можно выделить четыре основных стадии. На стадиях возникновения и становления идет процесс организации системы; в период зрелости она пребывает в состоянии подвижного равновесия (гомеостаза); на последней стадии — стадии преобразования — идет процесс дезорганизации и тут же происходит становление системы в новом качестве, то есть начинается новый цикл развития.

Возникновение — появление нового, но не «из небытия», а на базе бытия предшествующего и при благоприятных условиях. Новая система может считаться возникшей только тогда, когда появляется качественно иная форма движения, то есть когда между ее элементарными носителями образуются достаточно устойчивые взаимосвязи. Таким было зарождение общественных отношений на заре человеческой истории. Однако до тех пор, пока эти новые связи носят неустойчивый характер, новая система находится на грани возможного и действительного: новое системное качество уже существует, но оно еще неопределенно, расплывчато и в этом смысле лишь возможно.

Новое качество приобретает устойчивость по мере превращения системы в целое, то есть на стадии ее действительного становления. Становление — «количественная мера качества»: чем больше разнообразия содержит система, тем на более высоком уровне развития она находится относительно соб-

ственных стадий предшествующего развития. В дифференционно-интеграционном процессе взаимосвязь элементов системы становится максимальной для данных условий, система обретает целостность, и, следовательно, вступает в стадию зрелости.

В зрелой системе образующие ее элементы изменяют свои функциональные качества и практически теряют возможность непосредственного взаимодействия со средой. Это взаимодействие становится многократно опосредованным социальными связями. Зрелая система есть конкретная, определенная система. Ее определенность — в сформировавшемся способе взаимодействия со средой, который не столько обеспечивает собственное существование системы, сколько способствует существованию высшей системы, компонентом которой она является.

Сложные системы чаще всего не застывают в стадии зрелости. Достигнув целостного состояния, они сразу же устремляются к стадии преобразования, где их развитие определяется динамическим равновесием между становлением и преобразованием составляющих их элементов. Таким образом, развитие системы приобретает вид истинной бесконечности, состоящей в «совпадении с самим собой в своем другом»²⁶.

Благодаря тому, что преобразовательные процессы имеют место на протяжении всей истории системы, к моменту достижения ею стадии зрелости и целостного состояния ее устойчивость реализуется через неустойчивость. Причем в отличие от систем неорганических, в которых этот процесс осуществляется по помехам (реактивно), поддержание устойчивости социума происходит прогностически, то есть с опережением. Это становится возможным в связи со способностью целостной социальной системы к управлению.

Управление — способ организации жизни и деятельности людей, целенаправленное и систематическое воздействие субъекта (индивида, организации, института) на объект (природу, социальные процессы, связи и отношения, технические и технологические системы и др.)²⁷. Это антиэнтропийный процесс, смысл которого — упорядочение, регулирование развития управляемого объекта (природного и/или социального), изменяющее или сохраняющее

²⁴ Tainter J. The Collapse of Complex Societies. Cambridge, 1990.

²⁵ Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Социальная макроэволюция и исторический процесс (к постановке проблемы) // Философия и общество. 2007. № 2. С. 35.

²⁶ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. М., 1974. С. 262.

²⁷ Карпичев В.С. Организация и самоорганизация социальных систем. Словарь. М.: Изд-во РАГС, 2004. С. 206.

его состояние в соответствии с потребностями и интересами субъекта управления.

Управление может быть как внешним, так и внутренним (самоуправление), хотя различие здесь относительно. Во внутреннем субъект и объект управления диффузно взаимопроникают, поэтому разрушение управленческих связей ведет к гибели системы. Внешнее управление может осуществляться только субъектом, обладающим способностями информационного отражения объекта, построения идеальной модели его функций и будущих состояний, предвидения и учета последствий управляющей деятельности, а также располагающим средствами адекватного воздействия на объект. Однако внешнее управление одним объектом со стороны другого оказывается внутренним для более обширной системы, в которую они оба входят. В таком смысле «управление» выступает уже как самоуправление всей «системы управления» как целого.

Являясь одновременно и субъектом, и объектом управления, социальная система управляет собой, целесообразно воздействуя на собственное поведение, которое можно определить как обусловленную взаимоотношениями со средой (природной и социальной) способность избирательно²⁸ реагировать на изменения условий своего существования. Но социальная система характеризуется не только реактивным, определяемым воздействиями среды, но и активным поведением, которое детерминируется собственными целями, предполагающими проектирование и преобразование среды, подчинение ее своим потребностям²⁹. Основной целью управления является приведение системой самой себя в соответствие с определенной объективной закономерностью, действующей в данной среде. Без такого соответствия становится невозможным не только расширенное, но и простое самовоспроизводство социума. Поэтому социальный субъект (индивид, группа, общество в целом), по словам Г.В.Ф. Гегеля, «имеет право делать свои потребности своей целью»³⁰, а «цель, которая состоит в удовлетворении потребностей,

превращается в заботу о будущем, но благодаря условиям осуществления этой заботы она сохраняется как способ существования...»³¹.

В отличие от простейшего скопления или агрегата элементов (толпа) социальная система представляет собой единство некоторого множества систем предыдущего организационного уровня, целостность которых достигается благодаря высокой степени дифференциации функций, выполняемых ими в составе образованного целого. При этом концентрация и централизация регулирующей функции в одной из них превращает ее в орган управления, который своими воздействиями на остальные компоненты направляет поведение всей системы в ее взаимодействии со средой, а также поддерживает устойчивость внутренних связей и отношений и потому играет в системе ведущую роль. В этом органе управления представлена сосредоточенная как в фокусе вся совокупность важнейших внутренних связей и отношений исследуемой социосистемы, ее сущность. Отсюда следует, что если в эволюции системы произошла смена органа, функции и связей управления, значит, существенной трансформации подверглась вся ее структура, а вместе с ней состоялся и переход общества на новый структурный уровень, иерархия которых отражает дискретность ступеней развития социального бытия. В истории человечества подобные качественные скачки в морфо-функциональной организации социума и соответствующие им переходы в иерархии структурных уровней социальной формы движения материи были связаны с зарождением государства, а спустя тысячелетия — с возникновением межгосударственных интеграционных объединений с наднациональными органами управления.

Факторами управления как определенного типа социального взаимодействия, по А.И. Пригожину, являются не только управление как таковое, то есть как целенаправленное внешнее воздействие на управляемый объект, но и самоорганизация (спонтанное регулирование, дополнительный и независимый источник организационной энергии), а также организационный порядок (система объективных по отношению к человеку норм³², выработка, принятие

²⁸ Элементы и подсистемы социума функционируют вероятностным способом и имеют некоторое число степеней свободы, поэтому их поведение каждый раз определяется тем, что они могут действовать различными путями, но выбирают один из них (не обязательно лучший).

²⁹ Карпичев В.С. Организация и самоорганизация социальных систем. Словарь. М.: Изд-во РАГС, 2004. С. 166.

³⁰ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 167.

³¹ Там же. С. 241.

³² Наличие рамочных пределов превращает управление в регулирование, то есть в управляющее воздействие в соответствии с отклонением регулируемого параметра от заданной величины, с необходимостью возвращения системы в оптимальное ее состояние.

и реализация которых упорядочивает деятельность постоянно изменяющейся социальной системы)³³. При этом важнейшим субъектом управления выступает государство, а процессы самоорганизации протекают преимущественно в обществе.

Характер взаимодействия управления (государства) и самоорганизации (общества) может существенно варьироваться: направленность их действий может совпадать; направленность действий механизма самоорганизации может быть нейтральной по отношению к действиям субъекта управления; направленность их действий может быть противоположной. Подобная вариативность является следствием того, что во всех случаях направленность действий государства и общества определяется их интересами и лежащими в их основе потребностями, разнообразие которых отражает высокую структурную сложность, изменчивость целей, многоаспектность функций и неоднозначность связей, присущих общественной системе. По этой причине в социальном управлении по мере увеличения сроков планирования становится все менее возможной постановка конкретных целей, разработка надежных процедур управленческого процесса, четкая реализация тех целей, которые были поставлены. Поэтому Н.Н. Моисеев предпочитал говорить не об «управляемом», а о «направляемом» развитии социальных систем. По его мнению, управляющее воздействие способно лишь поддержать желаемые тенденции или избежать деструкции системы³⁴. В конечном итоге смысл социального управления состоит в создании предпосылок для эффективной самоорганизации и самоуправления, а также в поддержании динамического равновесия в коэволюции системы и окружающей ее среды.

Ослабление или уничтожение управляющего воздействия на социум (разрыв соответствующих связей) делает невозможным его целесообразное поведение на основании прошлого опыта. Чрезмерная насыщенность социосистемы связями управления, напротив, приводит к полной детерминации ее поведения, и оставляет ее способность

к самоорганизации не востребованной. «Полная» свобода, то есть отсутствие каких-либо ограничений в социуме, как и отсутствие каких-либо свобод, «заорганизованное» бытие одинаково пагубны для общественной системы. Эта закономерность диктует необходимость поиска оптимального соотношения управления и самоорганизации для обеспечения устойчивого развития социума.

Такое соотношение в значительной степени определяется структурным типом интеграции. В интегрированных системах «каркасного» типа целостность сохраняется путем внешних ограничений, чисто статической, жесткой фиксации элементов и связей. Для динамического структурного типа интеграции, напротив, характерны подвижные, пластичные, гибкие связи, значительно более высокая способность элементов к перегруппировке и обеспечение целостности системы не за счет внешней фиксации отношений между компонентами, а благодаря самой внутренней организации.

На всех уровнях социальной организации широко представлен централистический структурный тип интеграции, особенностью которого является асимметричный характер взаимозависимости и взаимовлияния центрального и периферических компонентов системы. В системах этого типа все связи прямые, они необратимы и сходятся к единому структурному центру, достигающему, как правило, очень высокой степени организации и оказывающему мощное управляющее воздействие на всю систему. Поэтому даже небольшие изменения в доминирующей части централизованной системы вызывают значительные изменения во всех других ее частях. В политической сфере яркой иллюстрацией этого эффекта является функционирование тоталитарных режимов с их развитой бюрократической организацией, а в экономической — плановая экономика советского типа.

Восходящее структурное включение централистических форм образует сложную организацию, построенную по принципу иерархического централизма. Такая система, несмотря на кажущуюся высокую устойчивость, является достаточно уязвимой. Она не может быть слишком большой, так как по мере удлинения иерархической цепи низшие центры системы все меньшее и меньше детерминируются ее центральной структурой. Чем больше звеньев в этой цепи — тем больше требуется усилителей связей между ними. Цепное ослабление связи кладет предел концентрирующей силе всякой централистической интеграции

³³ См. об этом: Пригожин А.И. Организация, система и люди. Эффективность трудовых организаций. М., 1983; Пригожин А.И. Современная социология организаций. М., 1995; Пригожин А.И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6 и др.

³⁴ См.: Моисеев Н.Н. Контур рационального общества // Социально-политический журнал. 1993. № 11–12; Моисеев Н.Н. Расставание с простотой. М., 1998.

и приводит к ослаблению управляющей способности центра. Этому же способствует и накопление системных противоречий, неизбежное по мере удлинения цепи и возрастания различий между центральным и периферическими компонентами. Таким образом, чрезмерный централизм системы, ее «зарегулированность» может привести к ослаблению интеграции и даже к ее противоположности.

В условиях жесткой организации сложной системы, когда состояние любой из образующих ее подсистем необходимым образом связано с состоянием всех остальных, проявления какой-либо инновационной активности становятся невозможными. Целое способно функционировать лишь по заранее заданной программе, в которой функции всех подсистем изначально определены и взаимосвязаны. Какое-либо отклонение от установленной программы невозможно, так как ведет к частичной или полной дисфункции системы, а нарушение или разрыв функциональных связей — к ее деструкции в соответствии с системным «принципом наименьших», когда прочность цепи зависит от прочности самого слабого ее звена. В этих условиях воздействия изменчивой среды не могут быть компенсированы изменениями в собственной организации централизованной системы, что обрекает ее на замкнутость, отгороженность от своего окружения. Это, в свою очередь, чревато дефицитом необходимых для развития ресурсов — вещественных, энергетических и информационных, арсеналом которых является внешняя среда.

Решению указанных системных проблем может способствовать возрастание роли самоорганизации, а именно — автономизации подсистем (их дифференциации) и усиления взаимодействия (интеграции) между центральным и периферическими компонентами благодаря установлению между ними обратных связей, обеспечивающих воздействие управляемой части на управляющую. Автономная организация повышает эффективность функций и использования ресурсов за счет активного выбора каждой из подсистем наилучшей стратегии поведения, а наличие обратных связей является фактором, непрерывно перестраиваю-

щим систему, улучшающим комбинаторику частей и позволяющим целому гибко приспосабливаться к заранее непрогнозируемым изменениям среды. Таким образом, в развитии частей системы обеспечивается оптимальное сочетание, во-первых, координации, обусловленной связями управления, и, во-вторых, эволюционной независимости, которая позволяет усовершенствовать один компонент, не нарушая совершенства другого.

В то же время, поскольку относительная автономность частей интегрированного целого предполагает наличие в них собственных систем саморегулирования, в центральные органы передается не детальная, а обобщенная информация об их состоянии и результатах деятельности, достаточная для того, чтобы на ее основании осуществлять координацию функционирования компонентов системы. В свою очередь при наличии обратных связей вмешательство управляющего центра в их деятельность также имеет не детальный характер, а сводится к изменению «настройки» саморегулирующихся подчиненных систем. Все это обеспечивает максимальную разгрузку центра управления и минимальное нарушение работы регуляторных механизмов низшего порядка. Сказанное позволяет сделать вывод о значении обратных связей как важнейшего интеграционно-дифференциального механизма, воплощением которого в политической сфере можно считать действие принципа субсидиарности в государствах федеративного типа, а также в наиболее продвинутых международных интеграционных объединениях, идущих по пути создания наднациональных органов управления.

Рассмотрение механизмов системной дифференциации и интеграции во всемирно-историческом процессе структурирования социального бытия в очередной раз убеждает в том, что общественный уровень системной организованности качественно превосходит все предшествующие организационные уровни, во-первых, по способности усиливать самоорганизацию на основе прогнозирования и, во-вторых, по сочетанию сложной и возрастающей координации в развитии с неограниченным характером прогресса.

Список литературы:

1. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990.
2. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. М., 1974.
3. Гринин Л.Е., Коротаяев А.В. Социальная макроэволюция и исторический процесс (к постановке проблемы) // Философия и общество. 2007. № 2.

4. Карпичев В.С. Организация и самоорганизация социальных систем. Словарь. М.: Изд-во РАГС, 2004.
5. Кириллова А.И. Взаимодействие культур: интеграция, ассимиляция и воспитательная роль общества // NB: Проблемы общества и политики. 2013. № 1. С. 53–152. (URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_319.html).
6. Классен Х.Дж.М. Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000.
7. Классен Х.Й. Эволюционизм в развитии // Эволюция: дискуссионные аспекты глобальных эволюционных процессов. М., 2011.
8. Ковтунова Д.В., Попов В.В. Философия истории в синергетическом измерении // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. 3.
9. Корнильев В.В. Негативные последствия развития психологии масс в составе социальной психологии // Психология и психотехника. 2013. № 11. С. 1037–1054.
10. Коротаев А.В. Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции. М., 2003.
11. Коротаев А.В., Крадин Н.Н., Лынша В.А. Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания) // Крадин Н.Н., Коротаев А.В., Бондаренко Д.М., Лынша В.А. (ред.) Альтернативные пути цивилизации. М.: Логос, 2000.
12. Лукьянов Г.И., Чередниченко И.А. Разработка теоретических аспектов определения социальной трансформации // Политика и общество. 2011. № 12. С. 82–89.
13. Луман Н. Эволюция. М., 2005.
14. Любимов Ю.В. Глобализационные процессы в прошлом // Историческая социология и психология истории. 2008. № 2.
15. Моисеев Н.Н. Контуры рационального общества // Социально-политический журнал. 1993. № 11–12.
16. Моисеев Н.Н. Расставание с простотой. М., 1998.
17. Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории. М.: Мир, 2004.
18. Неретина С., Огурцов А. Пути к универсалиям. СПб.: РХГА, 2006.
19. Пантин В.И. Циклы и волны глобальной истории: глобализация в историческом измерении. М.: Новый век, 2003.
20. Пелипенко А.А. К проблеме межсистемных переходов в культуре // Цивилизации. Вып. 8. Социокультурные процессы в переходные и кризисные эпохи. М., 2008.
21. Попов Е.А. Культура, общество и человек в объектно-предметном поле современной социальной культурологии и социологии культуры // NB: Философские исследования. 2013. № 3. С. 170–204. (URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_415.html).
22. Пригожин А.И. Организация, система и люди. Эффективность трудовых организаций. М., 1983.
23. Пригожин А.И. Современная социология организаций. М., 1995.
24. Пригожин А.И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6.
25. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XIX вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011.
26. Сайко Э.В. Древний город. Природа и генезис (Ближний Восток. IV-II тыс. до н.э.). М., 1996.
27. Спенсер Г. Основные начала // Антология мировой философии: В 4-х т. Т. 3. М.: Мысль, 1971. С. 606–620.
28. Терентьева Г.В. Новый Глобальный подход ЕС к миграции и мобильности (GAMM) и социальные аспекты миграционной политики Италии // Тренды и управление. 2013. № 3. С. 62–71.
29. Токарь Н.О. Политическая социализация молодежи в условиях демократизации российского общества // Политика и общество. 2013. № 8. С. 1034–1038.
30. Хачатурян М.В. Неэволюционные изменения в пограничной ситуации перехода // Вопросы социальной теории. 2012. Том VI.
31. Bentley J. Cross-Cultural Interaction and Periodization in World History // American Historical Review. 1996. Vol. 101. June.
32. Giddens A. Central Problem in Social Theory. L., 1971.
33. Manning P. The Problem of Interaction in World History // American Historical Review. 1996. Vol. 101. June.
34. McNeill W. The Changing Shape of World History // History and Theory. 1995. Vol. 94.

35. Service E.R. Primitive Social Organization. An Evolutionary Theory. N.Y., 1971.
36. Tainter J. The Collapse of Complex Societies. Cambridge, 1990.

References (transliteration):

1. Gegel' G.V.F. *Filosofiya prava*. M., 1990.
2. Gegel' G.V.F. *Entsiklopediya filosofskikh nauk*. T. 1. M., 1974.
3. Grinin L.E., Korotaev A.V. *Sotsial'naya makroevolyutsiya i istoricheskii protsess (k postanovke problemy) // Filosofiya i obshchestvo*. 2007. № 2.
4. Karpichev B.C. *Organizatsiya i samoorganizatsiya sotsial'nykh sistem*. Slovar'. M.: Izd-vo RAGS, 2004.
5. Kirillova A.I. *Vzaimodeistvie kul'tur: integratsiya, assimilyatsiya i vospitatel'naya rol' obshchestva // NB: Problemy obshchestva i politiki*. 2013. № 1. S. 53–152. (URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_319.html).
6. Klassen X.Dzh.M. *Problemy, paradoksy i perspektivy evolyutsionizma // Al'ternativnye puti k tsivilizatsii*. M., 2000.
7. Klassen Kh.I. *Evolyutsionizm v razviti* // *Evolyutsiya: diskussionnye aspekty global'nykh evolyutsionnykh protsessov*. M., 2011.
8. Kovtunova D.V., Popov V.V. *Filosofiya istorii v sinergeticheskom izmerenii // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2011. № 8 (14): v 4-kh ch. Ch. 3.
9. Kornil'ev V.V. *Negativnye posledstviya razvitiya psikhologii mass v sostave sotsial'noi psikhologii // Psikhologiya i psikhotekhnika*. 2013. № 11. S. 1037–1054.
10. Korotaev A.V., Kradin H.H., Lynsha V.A. *Al'ternativy sotsial'noi evolyutsii (vvodnye zamechaniya) // Kradin N.N., Korotaev A.V., Bondarenko D.M., Lynsha V.A. (red.) Al'ternativnye puti tsivilizatsii*. M.: Logos, 2000.
11. Korotaev A.V. *Sotsial'naya evolyutsiya: faktory, zakonomernosti, tendentsii*. M., 2003.
12. Luk'yanov G.I., Cherednichenko I.A. *Razrabotka teoreticheskikh aspektov opredeleniya sotsial'noi transformatsii // Politika i obshchestvo*. 2011. № 12. S. 82–89.
13. Luman N. *Evolyutsiya*. M., 2005.
14. Lyubimov Yu.V. *Globalizatsionnye protsessy v proshlom // Istoricheskaya sotsiologiya i psikhologiya istorii*. 2008. № 2.
15. Moiseev N.N. *Kontury ratsional'nogo obshchestva // Sotsial'no-politicheskii zhurnal*. 1993. № 11–12.
16. Moiseev N.N. *Rasstavanje s prostotoi*. M., 1998.
17. Nazaretyan A.P. *Tsivilizatsionnye krizisy v kontekste universal'noi istorii*. M.: Mir, 2004.
18. Neretina S., Ogurtsov A. *Puti k universaliiyam*. SPb.: RKhGA, 2006.
19. Pantin V.I. *Tsikly i volny global'noi istorii: globalizatsiya v istoricheskom izmerenii*. M.: Novyi vek, 2003.
20. Pelipenko A.A. *K probleme mezhsistemnykh perekhodov v kul'ture // Tsivilizatsii. Vyp. 8. Sotsiokul'turnye protsessy v perekhodnye i krizisnye epokhi*. M., 2008.
21. Popov E.A. *Kul'tura, obshchestvo i chelovek v ob'ektno-predmetnom pole sovremennoi sotsial'noi kul'turologii i sotsiologii kul'tury // NB: Filosofskie issledovaniya*. 2013. № 3. S. 170–204. (URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_415.html).
22. Prigozhin A.I. *Organizatsiya, sistema i lyudi. Effektivnost' trudovykh organizatsii*. M., 1983.
23. Prigozhin A.I. *Sovremennaya sotsiologiya organizatsii*. M., 1995.
24. Prigozhin A.I. *Filosofiya nestabil'nosti // Voprosy filosofii*. 1991. № 6.
25. Repina L.P. *Istoricheskaya nauka na rubezhe XX-XIX vv.: sotsial'nye teorii i istoriograficheskaya praktika*. M.: Krug", 2011.
26. Saiko E.V. *Drevnii gorod. Priroda i genezis (Blizhnii Vostok. IV-II tys. do n.e.)*. M., 1996.
27. Spenser G. *Osnovnye nachala // Antologiya mirovoi filosofii: V 4-kh t. T. 3*. M.: Mysl', 1971. S. 606–620.
28. Terent'eva G.V. *Novyi Global'nyi podkhod ES k migratsii i mobil'nosti (GAMM) i sotsial'nye aspekty migratsionnoi politiki Italii // Trendy i upravlenie*. 2013. № 3. S. 62–71.
29. Tokar' N.O. *Politicheskaya sotsializatsiya molodezhi v usloviyakh demokratizatsii rossiiskogo obshchestva // Politika i obshchestvo*. 2013. № 8. S. 1034–1038.

30. Khachatryan M.V. Neevolutytsionnye izmeneniya v pogranchnoi situatsii perekhoda // Voprosy sotsial'noi teorii. 2012. Tom VI.
31. Bentley J. Cross-Cultural Interaction and Periodization in World History // American Historical Review. 1996. Vol. 101. June.
32. Giddens A. Central Problem in Social Theory. L., 1971.
33. Manning P. The Problem of Interaction in World History // American Historical Review. 1996. Vol. 101. June.
34. McNeill W. The Changing Shape of World History // History and Theory. 1995. Vol. 94.
35. Service E.R. Primitive Social Organization. An Evolutionary Theory. N.Y., 1971.
36. Tainter J. The Collapse of Complex Societies. Cambridge, 1990.